

Джон Бойнтон
Пристли

Затерянный остров

АНГЛИЯ. КЛАССИКА. XX ВЕК

Джон Пристли

Затерянный остров

«Издательство АСТ»

1932

Пристли Д. Б.

Затерянный остров / Д. Б. Пристли — «Издательство АСТ», 1932

Наступает момент, когда даже самый благопристойный английский джентльмен хочет пережить настоящее приключение, ощутить соленый морской ветер, вдохнуть воздух далеких, экзотических стран, покорить сердце таинственной незнакомки... Вот и Уильяму Дерсли, преуспевающему молодому человеку, пришла пора покинуть свой городок и отправиться на поиски таинственного острова, который якобы открыл где-то в Южных морях его эксцентричный дядюшка. Вместе с ним под парусом выходит суровый морской волк, скучающий бизнесмен и прекрасная американка... Так начинается один из самых увлекательных и остроумных романов Джона Бойнтона Пристли.

© Пристли Д. Б., 1932

© Издательство АСТ, 1932

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	9
3	14
4	18
5	22
6	29
Глава вторая	30
1	30
2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джон Бойнтон Пристли

Затерянный остров

Роман

Глава первая

Дядя Болдуин

1

Во вторник вечером в гостях у Уильяма, по обыкновению, сидел его приятель Гринлоу из Бантингемской грамматической школы.

– Ну что, сыграем? – спросил Уильям, затушив окурок в кофейной чашке.

Гринлоу кивнул с важным видом.

– Сыграем партейку.

Гринлоу говорил так почти всегда. Четыре вторника из пяти он коротал вечера у Уильяма в Айви-Лодже и неизменно произносил: «Сыграем партейку». Наверное, дурацкие присказки помогали ему отвести душу и отвлечься после целого дня в школе, поэтому он мог часами повторять бородатые шутки и переиначенные цитаты. Однако шутом Гринлоу не был – внушительный, умудренный опытом учитель лет пятидесяти, из тех очкастых, бровастых, прокуренных, которым на роду написано преподавать математику и жить бобылем. С Уильямом его связывала давняя крепкая дружба.

– Пойдем в кабинет, – предложил Уильям, – там камин.

– Веди, Макдуф, – согласился Гринлоу.

В кабинете царил уютный беспорядок. Небольшую комнату с высоким потолком захламляли старые книги, альбомы, бювары, подшивки квитанций, засушенные бабочки в рамках, геологические образцы и прочая околonaучная атрибутика, подтверждающая принадлежность отца Уильяма, Джона Дерсли, к Суффолкскому естественнoисторическому обществу. Сорок лет в этом тесном кабинете Джон Дерсли подбивал счета, выписывал чеки, тешил научное любопытство, читал приключенческие романы Райдера Хаггарда... Засушенные бабочки его пережили. Уильяму, оказавшемуся теперь единоличным хозяином дома, даже в голову не приходило вынести все это из кабинета. В комнате витал дух отца, который, стоило взять в руки очередной булыжник, восклицал в тревоге: «Уильям, сынок, что ты делаешь? Положи, положи обратно!» И Уильям оставлял все как есть. У лукаво подмигивающего камина едва хватало места для двух старых кожаных кресел, шахматного столика и еще одного, под виски и табак. Зато здесь было уютно играть в шахматы, особенно промозглыми зимними вечерами, когда отблески каминного огня плясали на краю стола, залитого светом газовой лампы, а ветер и дождь трепали разросшийся за окном плющ.

– Сегодня, Уильям, – заявил Гринлоу, расставляя фигуры, – я разобью тебя наголову. Напомни-ка, кто выиграл в прошлый раз?

– Ты. Запоматовал? Вымотал мне всю душу своим нудным эндшпилем.

– Да, теперь припоминаю, взял твоего короля измором. Усидчивости тебе не хватает, Уильям, вот в чем беда. – Гринлоу закурил трубку. – «Победу не умеет человек держать в руках, но мы достигнем большего – ее заслужим». Никакой у тебя усидчивости, Уильям.

У самого Гринлоу усидчивости было хоть отбавляй, поэтому он спокойно и методично загонял Уильяма в угол, отражая все его остроумные, рискованные ходы.

– Да, – в который раз признал Уильям, – меня утомляет затянутая игра. На этом ты, Гринлоу, и выезжаешь. А я люблю добавить остроты, приключений.

Гринлоу покачал окутанной дымом головой, слегка напоминая добродушного моржа на туманном берегу.

– Для сорокалетнего... Хотя постой, тебе ведь нет сорока?

– Увы, еще как есть! – вздохнул Уильям, которому никто не дал бы его возраста. Худощавый и темноволосый, он выглядел на удивление молодо, словно его в двадцать пять законсервировали.

– Если тебе сорок, то мне все сто. Но я не о том. Какие могут быть приключения в шахматах?

– Могут. У меня могут. Потому я шахматы и люблю.

– В этой игре, – подчеркнул Гринлоу, словно не слыша Уильяма, – приключений не бывает. С таким же успехом можно ждать приключений в математике.

– Математика – другое дело. А шахматы живые. Короли, ферзи, слоны, кони – все настоящему, все сражаются не на жизнь, а на смерть.

– Это просто фигуры. Названия условны, главное – ходы и правила. Наверняка в других языках у них и названия другие, и форма может меняться. А если тебе охота искать приключений на шахматной доске, то понятно теперь, почему ты все время проигрываешь. Я же придерживаюсь математического подхода, – заключил Гринлоу, хотя на самом деле никаких подходов не искал.

– Кстати, в школьные годы, – проговорил Уильям с ностальгией, – у меня каждая цифра обладала своим характером. Пятерка – вертлявая проныра. Семерка – благообразная, мечтательная, довольно набожная. Восьмерка – забияка. До сих пор помню.

Гринлоу застонал.

– Сдается мне, кое-кто из нынешних моих четвероклассников мыслит так же. На самом деле, Уильям, приключений не стоит искать нигде. Это неправильный подход к жизни, и уж кому, как не тебе, это знать.

– Почему же?

– Как-нибудь в другой раз. Сейчас нам нужен, как говорится, опрятный очаг и строгое соблюдение правил. – Он потянулся к пешке. – Предлагаю разыграть знаменитый гамбит Гринлоу.

– Ну, еще бы. – Уильям улыбнулся и, по заведенному порядку, сделал ход конем.

Все шло своим чередом. На шахматной доске разворачивалось привычное для вечера вторника сражение, а в соседней комнате, убирая со стола, звенела посудой миссис Герни, экономка. За окнами свистел северо-западный ветер, по бантингемским мостовым хлестал дождь, превращая их в мозаику из скользкого булыжника, блестящих луж и прелых растоптанных листьев. Дежурный полисмен спасался от дождя под козырьком рынка, болтая со знакомым, но не забывая поглядывать на безлюдную Маркет-сквер. Пустые улицы не означали, впрочем, что все давно спят. Шел девятый час вечера, и Бантингем жил насыщенной, но невидимой глазу жизнью. В зале кинотеатра «Олимпик» сто пятнадцать зрителей следили за злоключениями молодого красавца, которого угораздило связаться с нью-йоркской бандой мошенников один другого уродливее. Хор бантингемской баптистской часовни репетировал гимн «Как дороги нам вестники» для воскресной утренней службы. В церкви Святого Петра викарий представлял двадцати семи прихожанам – прихожанкам в основном – мистера Д.П. Кенуорти, магистра искусств, прибывшего читать доклад о поэтическом замысле Уильяма Морриса. В маленькой комнатухе позади мясницкой лавки на Хай-стрит девять молодых людей и три девушки, активисты бантингемской Лейбористской партии, выносили суровые постановления. На вто-

ром этаже паба «Суффолкский герб» зачитывал отчет казначей комитета Ежегодной осенней ярмарки урожая, а внизу мистер Джек Барвелл, устроитель аукционов, разыгрывал с хозяином паба Энделлом партию в бильярд до двухсот пятидесяти очков, на радость небольшой, но шумной компании болельщиков-завсегдатаев. В «Черном быке», забегаловке рангом пониже, играли в дротики на полпинты горького, а в «Соколе» разгорался жаркий спор, грозивший продлиться до самого закрытия, о том, что обещал или не обещал Ллойд Джордж в 1918 году. Доктор Форестер вышел из дома двадцать семь по Ист-стрит, от старушки миссис Кук, чье состояние резко ухудшилось, и направился к дому восемь по Норфолк-роуд, где у молодой миссис Марри уже начинались схватки. Дожливый будничный вечер в Бантингеме был полон событий – пусть и непримечательных.

К их числу относился и приход в двадцать десять поезда из Ипсвича на вокзал в доброй миле от Маркет-сквер – точно по расписанию и без посягательств на изменение чьей бы то ни было жизни. Одиноким дежурным носильщик с интересом наблюдал, как на бантингемскую платформу выгружаются четыре пассажира. Трое из них местные, регулярно катающиеся туда-сюда, вероятно, припозднились, возвращаясь с ипсвичской ярмарки, а вот четвертого носильщик не знал. Пожилой, кряжистый и дородный, поперек себя шире.

– У меня в багажном кофр и картонка, – сообщил он носильщику, отдуваясь. – На фамилию Тоттен.

Когда носильщик вкатил багаж под станционную крышу, поезд уже растворялся, поспыхивая, в дождливой мгле.

– Забрали? Да, все правильно, они, – подтвердил новоприбывший и вдруг застонал сдавленно.

– А? – Носильщик подскочил от неожиданности.

– Холодно тут, вот что. Убийственный холод, – простучал зубами незнакомец, пытаясь с головой скрыться в тяжелом пальто.

Носильщик зябко потер руки, демонстрируя солидарность.

– Это все из-за дождя.

– Да какая разница, из-за чего! – искренне возмутился приезжий. – Адская холодина! Зуб на зуб не попадает, кости ломит, того и гляди, заживо сгниешь. Зачем я только приехал?

Носильщик покачал головой, сперва отрицательно – мол, он тоже не знает, а затем утвердительно, обозначая сочувствие и понимание.

– Куда прикажете отвезти вещи, сэр? В «Суффолкский герб»?

– Через мой труп. Мне нужно в Айви-Лодж. Знаете, где это?

– Айви-Лодж... – Носильщик задумчиво подергал кончик носа. – Дайте-ка сообразить, сэр. Айви-Лодж...

– Айви-Лодж? – вмешался подошедший контролер. – Это ведь дом мистера Дерсли, да, сэр?

– Точно. Он мне и нужен, – пропыхтел приезжий. – Мистер Дерсли. Айви-Лодж.

– До него мили полторы будет, – продолжал контролер. – Другой конец города. Насчет вещей можно распорядиться, чтобы доставили утром, сэр, не волнуйтесь.

– А мне где прикажете куковать до утра? Если я в такую погоду потащусь полторы мили пешком, к четвергу можно будет объявлять в розыск. Нельзя ли достать машину?

– Джордж Джексон приедет к поезду в девять двадцать на Ипсвич, – подсказал носильщик. – Я знаю, он что-то собирался отправить. Так что он вас довезет, сэр, за полкроны вместе с багажом.

– Хорошо. – Приезжий дошел до выхода со станции и выглянул на улицу. Контролер с носильщиком последовали за ним. – Это что там, паб?

Ему подтвердили, что паб. Называется «Железнодорожный герб».

– Отлично, там меня этот ваш Джордж как-его-бишь и найдет в девять двадцать, – заявил приезжий. – Моя фамилия Тоттен. – Он дал носильщику шиллинг, а контролеру показал билет. – Только сперва пусть погрузит багаж. Ох, ну и мерзкая же погода!

Коренастый толстяк со странной фигурой поперек себя шире вперевалку зашагал через едва освещенную площадь и скрылся в «Железнодорожном гербе».

– Как думаете, что за птица? – спросил носильщик контролера.

2

Уильяму не удалось поставить стремительный мат, игра затянулась, и в половине десятого конца еще не предвиделось, хотя на доске остались лишь два растревоженных короля, один загнанный конь, два рвущихся в бой слона, три полуразрушенные ладьи и несколько потерянных пешек. Гринлоу только этого и надо было, а Уильяму, как обычно, уже наскучило.

– Шах! – объявил Гринлоу, делая ход ладьей.

Уильям не вздохнул, но с шумом втянул воздух, так что получилось похоже на вздох. Ему уже в третий раз объявляли шах этой ладьей. Он вывел короля из-под удара едва заметным тычком.

Гринлоу оторвался от доски, вскинув густые брови высоко над оправой очков.

– Партия – петля, чтоб заарканить совесть короля! – провозгласил он, атакуя второй ладьей.

Уильяму вдруг захотелось перевернуть доску и смахнуть фигуры. Но он ограничился малым – просто сделал глупейший ход.

– Что это у нас тут? – протянул Гринлоу, с раздражающим чмоканьем посасывая трубку. – Глазам своим не верю.

Чуя подвох, он битых несколько минут раздумывал над следующим ходом, и Уильям, которого совершенно не волновали последствия собственной опрометчивости, унесся мыслями в туманную даль. Успел поразмышлять о банковской системе, о варенье, о грузовиках, о священнослужителях, об угле и сыне миссис Герни, работавшем на лондонском Главпочтамте.

– Шах! – провозгласил Гринлоу.

Весь день Уильяма согревало предвкушение шахматной игры после ужина, однако теперь никакой радости он не чувствовал. И это удручало. Он вяло потянулся к беспомощному королю.

– Там тупик, – предупредил его Гринлоу. – Ты подставляешься под шах.

Утомленный и расстроенный, Уильям пожертвовал оставшейся ладьей.

– Плохой ход, Уильям, из рук вон плохой. – Гринлоу заграбастал свою. – Снова шах.

Да, снова шах. Уильяму стало жаль себя, и, как многие другие более авторитетные и, видимо, более мудрые особы, он напустил на себя глубоко философский вид. Всю жизнь ему ставят шах за шахом, одни сплошные шахи. Почему он торчит здесь, в этом кабинете, в этом доме, в Бантингеме, и играет в какие-то скучные игры? Он упивался жалостью к себе, а Гринлоу, вообразив, будто приятель продумывает пути спасения своего обреченного короля, терпеливо ждал, хотя в глубине души уже праздновал победу. И тут уютный покой нарушили какие-то странные звуки непонятного происхождения, источником которых никак не могла быть экономка, миссис Герни.

– Эй, это еще что? – Уильям поднял голову.

Гринлоу, почувствовав, как ускользает почти завоеванная победа, недовольно поморщился.

– Ерунда какая-нибудь. Твой ход.

– Нет, ты подожди.

Уильям выбрался из кресла и только обернулся на дверь, как она открылась, впуская миссис Герни. Глаза экономки над пухлыми щеками, заметными, казалось, даже со спины, как всегда, таранились на мир с младенческим изумлением.

– Мистер Дерсли, прошу прощения, там джентльмен, – выдохнула она. – Говорит, что приехал в гости, при нем багаж и все такое.

– Какой джентльмен?

– Это я! – пробасили в ответ.

Уильям подскочил и невольно развернулся всем корпусом к двери, задев доску и рассыпав веером фигуры.

Дверной проем закрывал собой коренастый пожилой мужчина, обширную фигуру которого делал еще обширнее толстый плащ-крылатка, покрытый каплями дождя. Дополняли облик венчик седых волос, орлиный нос, набрякшие пунцовые щеки и маленькие, но яркие, словно бриллианты, глаза. Они уставились на Уильяма, и в них тут же мелькнуло узнавание, а из посиневших от холода губ вырвался рев:

– Ты и есть Уильям Дерсли! Конечно же! Сразу тебя признал. Ты ведь меня помнишь? Ну, разумеется, помнишь!

Он шагнул в комнату, потянув за собой промозглый уличный холод и ощутимый запах бренди. Уютный покой разлетелся вдребезги, словно весь внешний мир вдруг вломился в комнату разом, с ревом и топотом.

Уильям отодвинул кресло, не сводя глаз с незнакомца.

– Вы дядя Болдуин, да?

– Точно! – сипло восторжествовал гость. – Твой дядя Болдуин! Болдуин Тоттен. А где Люси? То есть твоя мать. Уже легла?

– Мама? – Уильям растерялся. На одно безумное мгновение ему показалось, что все летит кувырком, время обратилось вспять, и связь событий порвалась. Потом его осенило, что пожилой дядюшка, видимо, страдает потерей памяти. – Вы же знаете... Мама умерла.

– Что?!

– Почти год назад.

Дядя Болдуин схватился за отодвинутое Уильямом кресло и внезапно рухнул в него, тяжело дыша. Щеки еще больше запунцовели, губы посинели. Дар речи, кажется, его покинул.

– Я ведь писал вам, – напомнил Уильям осторожно.

Минуту дядя Болдуин отчаянно сражался с каким-то невидимым врагом, затем наконец выдохнул:

– Я ничего не получал, ни словечка. От чего она умерла?

– Сердце. Как-то все внезапно случилось.

Это дядю Болдуина не удивило.

– Семейное. У самого та же беда. Сердце как гнилое яблоко. Оттого и страдаю. У тебя найдется бренди?

Миссис Герни, которая слушала и смотрела на происходящее из-за порога комнаты, немедленно отправилась за бренди.

– Я, наверное, пойду, Уильям, – подал голос Гринлоу, собиравший все это время рассыпанные шахматные фигуры и потому ушедший в тень. – Нет, провожать не надо. Спокойной ночи. И вам, сэр.

Глоток бренди вернул дяде Болдуину связную речь.

– Письма я не получал, но чему тут удивляться. Наверное, не догнало меня. Вот удар так удар... Возвращаешься, значит, – продолжал он с горечью, обращаясь уже будто не к Уильяму, а к Всевышнему или силам, управляющим вселенной, – возвращаешься повидаться с сестрой, которую не видел восемнадцать лет, а тебе говорят, что она умерла. Скончалась и похоронена. Она ведь к тому же младше меня, твоя мать, на четыре года младше. Как она меня любила, души во мне не чаяла – в детстве, до встречи с твоим отцом. Про его кончину я в курсе. Это письмо я получил. Пять лет назад, да?

– Четыре. Хотя да, уже почти пять.

– Он изрядно сдал перед смертью, насколько я помню? Старше меня был. Мне шестьдесят восемь. Год назад я себя и на пятьдесят не чувствовал. А теперь вот, как вернулся – ох, какая же адская здесь холодина зимой, – так мне уже вся тысяча, а то и миллион, истинный Мафусаил, и сердце как гнилое яблоко. И к тому же... – Дядя принялся выпутываться из своего

тяжелого плаща, и Уильяму пришлось ему помочь. – К тому же, чем старше становишься, тем все вокруг омерзительнее. Сплошное расстройство, куда ни глянь. Разорение, немощь, смерти одна за другой.

– Двигайтесь поближе к огню, – пригласил Уильям, уже оправившийся от изумления. – Я повешу пальто. Вы что-нибудь ели?

– Еще как ел, сынок, спасибо. За стол не хочется. Вот и еда туда же, перестает радовать. – Он вытащил трубку и кисет. – Зато покурить я не прочь. Не следовало бы, понятное дело, но ведь, черт возьми, чем-то надо заниматься. Не сидеть же весь день совиным чучелом. Да, у меня там кое-какой багаж. – Дядя указал большим пальцем за плечо, на дверь.

– Хотите, я схожу? – предложил Уильям.

– Не беспокойся, он в доме, ничего с ним не сделается. Иди сюда, садись. – Он подождал, пока Уильям усядется во второе кресло. – Значит, теперь ты тут хозяин? Как солодильня, процветает?

Уильям кивнул.

– Дом, имущество?

– В сохранности, – ответил Уильям.

– Да ты богаче меня. – Дядя Болдуин попытлся трубкой. – А ведь я почти всю жизнь без продыха... Но ты, наверное, гадаешь, зачем я пожаловал.

Уильям неопределенно улыбнулся, не сводя взгляда с внушительного дядюшкиного носа, на котором отблески огня играли, словно закатные лучи на вершине горы.

– Приехал повидаться, сынок, – объявил дядя Болдуин. – Не писал, потому что никогда не пишу, разучился уже. В тех краях, где я живу, никто никого не предупреждает. Всем рады. Не трудись объяснять, что здесь принято по-другому, сам знаю. Но я думал, твоя мать будет рада встретиться со старшим братом, через восемнадцать-то лет.

– Непременно, – заверил Уильям. – Она много мне о вас рассказывала, дядя.

– Да? Рассказывала? – Дядя Болдуин, умилившись, принялся ерошить кончиком трубки седой венчик на голове. – Эх, она единственная из всех, кем я дорожил, дороже ее у меня никого не было. Остальные пусть пропадают пропадом. Ты дядю Эдварда часто видишь?

Уильям признал, что дядю Эдварда не видит годами.

– Вот ведь святоша длинноносый! И ничего, жив-здоров, дела идут. Встретился с ним в Лондоне, часа мне за глаза хватило. У него сейчас три лавки, деньги заколачивает без устали. Заколачивать-то заколачивает, – дядя Болдуин глухо рассмеялся, – а тратить ни-ни, не дожدهшься! Он с детства такой. Сколько раз я пинал его под зад, просто чтобы расшевелить – не сосчитать! И в этот раз хотел его пнуть. Уже и ногу занес. Он даже словом не обмолвился о Люси – о твоей матери то есть, – ни словечка... Только о своих лавках и талдычил. Но я ведь не за этим приехал, – посерьезнел дядя, – совсем не за этим...

Уильям посмотрел на него вопросительно. Он еще не освоился со своим загадочным родственником, свалившимся как снег на голову с другого края света. Последний раз Уильям видел дядю в свои двадцать два, зеленым робким юнцом, много лет назад, еще до войны, когда мир был совершенно другим...

– Разговор, значит, у меня к тебе такой. Теперь ты тут хозяин, Уильям. Перед тобой твой дядя Болдуин, но хоть он тебе и дядя, ты ему ничего не должен, потому что он для тебя ничего не сделал. Вот он тут, и он собирался погостить – неделю, месяц, а может, три. Если ты против, только скажи, и он уйдет. Там, конечно, промозгло и сыро, но это пустяки, ты только скажи, и он уберется восвояси, прямиком туда, откуда прибыл. У него тут кое-какие пожитки, но они тоже исчезнут, как не было. Вот такие дела.

Судя по торжествующему тону завершающей фразы, он считал, что изложил все предельно ясно.

– Ну, разумеется, гостите, сколько пожелаете, дядя, – радушно заверил его Уильям.

Дядя немедленно протянул ему руку, и Уильям пожал его широкую крепкую ладонь.

– Погоди-ка, – спохватился дядя. – Ты, часом, не женат?

Уильям ответил, что нет.

– Хорошо, – кивнул дядя. – То есть для тебя еще бабушка надвое сказала, а вот для меня – хорошо. Будь ты женат, супруга могла бы возразить. Они любят оставлять за собой решающий голос в таких вопросах. Уж это мне известно.

– Вы ведь, дядя, тоже так и не женились?

– По здешним законам – нет. А там с этим проще, так что, Уильям, если поищешь по островам, пара-тройка двоюродных у тебя найдется, только на Рождество их не пригласишь. Ох, видел бы их твой дядя Эдвард! Он бы от такого удара забыл бы думать о своих магазинах часа на три. Я и сам порой диву давался, какие природа шуточки шутит. – Дядя хохотнул игриво, но тут же закашлялся, а потом, когда приступ прошел, спросил обеспокоенно: – Ты ведь не ханжа, а, сынок?

– Нет, – ответил Уильям, поразмыслив. – Пожалуй, нет.

– Я так и предполагал, – кивнул дядя Болдуин. – Никогда ведь не знаешь, кто каким вырастет. За восемнадцать лет много воды утекло, вдруг ты успел в святоши записаться. А ты совсем не изменился.

– Бросьте, – не поверил Уильям. – В последнюю нашу встречу мне было двадцать два, а сейчас все сорок.

Дядя Болдуин окинул критическим взглядом тонкое, серьезное, чисто выбритое лицо племянника – с высоким лбом, довольно резко очерченными скулами, прямым носом, скользнул глазами по худощавой фигуре в темно-синем саржевом костюме.

– Ты для меня все тот же мальчишка, – заключил он. – Наверное, здешняя тихая жизнь так действует. Наведаешься на солодильню, потом обратно в уютный дом, поиграешь в шашки-домино и баиньки, ни кутежей, ни женщин. Еще бы тут не быть молодым и свежим.

– Вот теперь я, наоборот, чувствую себя замшелым стариком, – вспыхнул Уильям.

Дядя кивнул понимающе.

– Неудивительно. Положим, такая жизнь позволяет хорошо сохраниться, но вот зачем, что в этом проку, бог весть.

– Согласен. Хотя... Мне ведь пришлось повоевать. Потом несколько лет тихая жизнь казалась мне раем.

– Да, это я упустил из виду, – признал дядя Болдуин. – Хотя, скажу честно, не представляю, Уильям, какой из тебя солдат.

– Солдат из меня никудышный, – подтвердил Уильям, вздрогнув от воспоминаний. – Однако так уж сложилось.

– Да, что-то, а нас война обошла стороной, – продолжил дядя, мысленно уносясь в прошлое. – Нам на островах, конечно, хватило и своих встрясок, особенно поначалу. Но в основном громыхало где-то далеко. Оно и правильно. Здесь, думаю, знали, за что сражаются, а я там, хоть убей, не мог разобраться, хотя душой, конечно, был за старушку Англию. Помню, занесло меня на один из островов Тонга (а война уже несколько месяцев как началась), и встретил я там немца – здоровяк с длинной рыжей бородой, звали его Штенкель или Хенкель, мы с ним пересекались когда-то до этого на Раротонге... Он и не слышал, что война идет, ни сном ни духом, я ему рассказал, у нас с ним долгий спор завязался. Я ему о кайзере Вилли, о Бельгии, а он мне о русских, о бурах и Индии – не один час толковали. Потом я его снова встретил, этого Штенкеля или Хенкеля, уже после войны, и при очень странных обстоятельствах. Сейчас расскажу, сынок, – ты можешь мне не верить, но это чистая правда.

Он умолк, чтобы перевести дух, и отчасти – повинувшись инстинкту опытного и искусного рассказчика.

– Продолжайте, дядя, – попросил Уильям.

И дядя Болдуин продолжил, увлекая племянника за собой на тихоокеанские просторы. По комнатам собеседники разошлись без четверти час. Перед глазами Уильяма еще резали волну шхуны, идущие на волшебные острова; альбатрос, раскинув широченные крылья, парил над южным горизонтом, летучие рыбы выпархивали из воды на экваторе, незнакомые голоса звенели сквозь грохот прибоя, улыбчивые смуглые лица мешались с радужными рыбками в лагунах, а в небе сияли непривычные сказочные созвездия. Такого восхитительного вечера у Уильяма не было уже давно. Он чувствовал себя окрыленным, счастливым непонятно от чего и немного пьяным.

3

Назавтра эйфория улеглась, оставив легкий восторг, который не улетучился за последующие две недели в обществе дяди Болдуина. Уильям чувствовал этот восторг подспудно, словно где-то под ногами тлел потихоньку бикфордов шнур, от которого нет-нет да и потянет порохом. Жизнь его почти не изменилась, и все же он больше не ощущал себя прежним. Грядут перемены, подсказывала интуиция.

Уильям прилежно наведывался на солодильню, где всеми делами занимался старый управляющий отца, Джордж Кенфит; слушал дядюшкины рассказы и меньше обычного проводил время за книгами, которые брал из библиотеки Бантингемского научно-литературного института. Три дня в неделю, когда из-за облаков проглядывало бледное солнце и стихал восточный ветер, он работал над своей акварелью – старой мельницей у Ипсвичской дороги (Уильям был увлеченным акварелистом и считался одним из лучших художников-любителей в Суффолке). Он сыграл две шахматные партии с Гринлоу, которого дядя Болдуин отчего-то сильно невзлюбил; один раз отобедал в «Страудс» и составил вяло отнекивающуюся компанию игрокам в бридж – в общем и целом ничего сверхъестественного. И все же... Уильям будто собирался влюбиться, хотя влюбляться ему было не в кого. Жизнь текла как прежде, но словно в новом русле, в стороне от его сердца и мыслей. Она оставалась подлинной, однако подлинными казались и рисующиеся в мечтах картины. То в легком замешательстве, то в радостном предвкушении, Уильям плыл по воле волн, чередуя привычные обязанности с привычным же досугом, – и ждал.

Причиной всему был, конечно, дядя Болдуин. Он обосновался в Бантингеме – насколько в принципе способен обосноваться в тихом суффолкском городке ушедший на покой тихоокеанский коммерсант с пошаливающим сердцем, пристрастием к выпивке и немим ужасом перед восточноанглийским климатом. В ясную погоду дядя прогуливался по окрестностям, останавливаясь поболтать с любым, кому не жалко было выкинуть на ветер полчаса времени. Он имел огромный успех в «Суффолкском гербе», где вскоре стал запанибрата со всеми, от владельца, Энделла, до младшей барменши Дорис. Багровый, одышливый, дядюшка возвращался из этого веселого заведения и засиживался с Уильямом далеко за полночь. Бывали, однако, дни, когда он и шагу не делал из Айви-Лоджа – дремал понуро в маленьком кабинете, едва не поджариваясь в камине, и Уильям скоро усвоил, что тревожить его не надо. Дважды к нему приходил доктор Форестер, но Уильям так и не узнал, о чем они говорили. В доме появились пузырьки с коричневой микстурой, и дядя Болдуин время от времени с отвращением из них прихлебывал, отплевываясь и поливая бранью всю медицинскую братию, словно именно врачи довели его до столь плачевного состояния. Одно Уильям знал наверняка: дядя его не отличается крепким здоровьем.

И хотя дядя Болдуин охотно делился воспоминаниями, грозя утопить племянника и любого другого подвернувшегося под руку слушателя в их потоке, о личных своих соображениях и переживаниях он, по примеру многих искусных рассказчиков, предпочитал умалчивать. Прожив у Уильяма несколько дней, он принялся писать письма, а вскоре после и получать, однако племяннику об этой переписке не упомянул ни словом. Если у него и имелись какие-то планы на будущее, они оставались тайной. Уильям знал, что до недавних пор дядя одновременно занимался независимой коммерцией на островах Южных морей и выступал агентом британской и американской фирм. Этим его сведения и исчерпывались. Остальное представлялось мешаниной из кадров приключенческого фильма – корабли и острова, волны и лагуны, бунгало и пальмы, – сквозь которую победоносно плыла необъятная фигура Болдуина Тоттена. Финансовых затруднений дядя явно не испытывал: предложил племяннику возместить расходы на свое содержание (тот, конечно, отказался) и сорил деньгами в «Суффолкском гербе»,

однако понять, богат он или беден, Уильям не мог, а дядя эту тему не затрагивал. Он любил напустить таинственности и имел интригующую поначалу, а потом несколько раздражающую привычку делать намеки на обладание какими-то восхитительными тайнами. Уже на вторую неделю Уильям стал пропускать их мимо ушей, хотя романтический колорит, который они придавали беседе, ему нравился.

Кое-что помогла прояснить случайная встреча на Маркет-сквер с доктором Форестером. Доктор, как обычно, ужасно спешил. Он единственный в Бантингеме куда-то постоянно торопился. В рабочие часы, которые занимали у него почти весь день и полночи, доктор Форестер уже давно не пытался беседовать, как нормальные люди, только отлаивался, словно фокстерьер. Уильям так привык к этому отрывистому лаю, что даже терялся, когда в редкие часы досуга доктор вдруг начинал разговаривать по-человечески. В это конкретное утро машина доктора – такая же маленькая, юркая, быстрая, как и он сам, – при виде шагающего через площадь Уильяма, вильнув, с легким скрежетом притормозила рядом. В приоткрытом окне показалось вытянутое лицо доктора.

– Доброе утро, Дерсли, – гавкнул он. – Этот ваш дядюшка... Он ведь вам дядя, так?

– Да, – подтвердил Уильям, едва удерживаясь, чтобы тоже не перейти на лай. – Я соби-
рался с вами поговорить о нем. Он мне мало рассказывает. Как его здоровье?

– Не очень, – ответил доктор и что-то пробормотал о сердечных венах и коронарном синусе.

– Что-то серьезное?

– Конечно, серьезное. Очень серьезное.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросил Уильям, чувствуя полное бессилие. Доктор Форестер, лечивший в свое время его отца и мать, всегда внушал ему чувство беспомощности. Он принадлежал к числу врачей, которые с порога дают понять, что вы опоздали с обращением на несколько лет, но и тогда, несколько лет назад, все уже было достаточно запущено.

– Маловероятно, – гавкнул доктор в ответ. – Необходим полный покой.

Уильям опешил. Угмонить дядю? Разве это в человеческих силах?

– Своих привычек он, конечно, не изменит, – продолжил доктор. – Никто не меняет. Надеются на чудо. Но покой все же обеспечьте. Чуть что не так, немедленно зовите.

– Обязательно, – пообещал Уильям, гадая, как распознать симптомы, если у дяди постоянно что-то не так.

– Я, впрочем, не ручаюсь за успех. Слишком далеко все зашло. Хотя человек он, надо думать, занятый, – добавил доктор, сменив тональность лая. – Крепкий орешек!

– Да, он такой, – подтвердил Уильям, настраиваясь на беседу о дядюшкиной персоне.

– Доброго утра!

Вытянутое лицо скрылось за стеклом, и машина, нетерпеливо буркнув, рванула с места, оставив Уильяма в замешательстве. Дядюшка на глазах превращался из незаурядной персоны в остывающий труп.

За обедом Уильям то и дело поглядывал на дядю, каждый раз замечая все более страшные приметы угасания на пунцовом морщинистом лице. После некоторого колебания он решился упомянуть о состоявшейся встрече.

– Утром видел доктора Форестера, – начал он как можно небрежнее.

– И что он обо мне наболтал? – поинтересовался дядя Болдуин.

– Не особенно много... – Уильям осекся.

– Ну еще бы, сынок, еще бы! Разговоры разговаривать для него сущая мука. Он только хрипит и рывкает, как заезженная граммофонная пластинка. Но что-то ведь он сказал. Что?

– Что вам нездоровится...

– Помилуй, Уильям, неужто ты без него не догадывался? Это я тебе и сам скажу. Нездоровится! – Дядя Болдуин надул громадные багровые щеки. – Нездоровится! А сам небось думал, что открывает тебе великую тайну. Полгинеи за консультацию. Все, больше ничего?

– Велел обеспечить вам покой.

– Куда же без этого. Просил меня уговорить?

– Вообще-то да, – неловко поежился Уильям, но, встретив дядин взгляд, улыбнулся. – Только не сказал как.

– Кто бы мог подумать! Даже не посоветовал, как заставить старика ложиться пораньше? – захохотал дядя Болдуин. – Поздно меня утихомиривать. Да и зачем мне сейчас покой? Я сам скоро упокоюсь, и очень надолго. Но пока ноги еще носят эту старую тушу, я желаю чуток понаслаждаться жизнью. А ты бы на моем месте не хотел? Хотя, пожалуй, нет, вряд ли.

Это задело Уильяма, который, несмотря на мягкий нрав, тьюфяком себя отнюдь не считал.

– Что мне делать, я не знаю, – ответил он. – По-моему, дядя, неразумно обращаться к врачу только затем, чтобы отместить все его рекомендации.

– Полно, сынок, не заводись, – попросил дядя Болдуин добродушно. – Виноват, не следовало тебя поддевать, не узнав хорошенько. В тихом омуте черти водятся. Да только бесполезно журить меня за глупость. Конечно, я поступаю неразумно. Либо не дергай докторов, либо делай, что они велют. Но я не могу – ни того, ни другого. Вот доживешь до моих лет, и у тебя внутри тоже будет прохудившийся насос, который якобы в любую минуту может отказать, станешь таким же. Я не стану валяться в постели и жевать кашку. Я так и неделю не протяну. Если от смерти не убежишь, то я хочу умереть как мужчина, а не как гнилая кочерыжка. Да, между прочим, – добавил он с блестящей непоследовательностью человека, намеренного отбиться любой ценой, – я сейчас смиреннее некуда, тихоня, каких свет не видывал. Если доктор Как-его-там считает меня гулякой и кутилой, то грош цена его науке. Никогда еще не был таким домоседом!

– Хорошо, как скажете, – пожал плечами Уильям, выбираясь из-за стола.

– Ты, часом, не собираешься меня выставить?

– Нет, что вы, конечно, нет.

– И славно, хотя в качестве жильца я не подарок, сам знаю. Вот уж кто спит и видит, как бы отправить меня восвояси... – Дядя понизил голос и ткнул большим пальцем за плечо, в сторону кухонной двери. – У миссис Герни я, наверное, в печенках сижу. О да, не спорь. Кстати, Уильям... – Он порылся в карманах, что для человека его комплекции приравнивалось к подвигу, и выудил письмо. Пару секунд он не сводил взгляда с конверта. – Тут ко мне в четверг кое-кто наведается.

– Наведается? – удивился Уильям, привыкший считать дядю человеком одиноким.

– Да. А что тут странного? – Дядя посмотрел укоризненно. – Ты думал, я бирюк бирюком? Заблуждаешься, сынок, таких связей, как у меня, в этом городе ни у кого не найдется. Да, положим, большинство моих знакомых обитает за десять тысяч миль отсюда, но ведь не все. Взять хоть этих двоих. В четверг они приедут ко мне из Лондона, где-то в районе обеда, поэтому с обеда, я думаю, мы и начнем. Единственный вопрос, где именно – здесь или в «Суффолкском гербе»? Ты только скажи, и мы уберемся в «Герб».

– Да нет же, зачем? – воскликнул Уильям. – Обедайте здесь! Четверг? В четверг я еду в Лондон. Мне нужно к Пантоксам, пивоварам, поэтому я там заночую, вернусь в пятницу вечером или в субботу утром.

Дядя Болдуин посмотрел с интересом. И с некоторым облегчением.

– Ехать мне только в четверг после обеда, так что приводите их сюда. А кто они?

– Можно сказать, мои старые знакомые. – Дядя тут же напустил на себя таинственный вид, чем немало позабавил Уильяма. – Один в некотором роде смешанных кровей – южноаме-

риканец и еще там всякое-разное, его зовут Гарсувин. Не назвал бы его приятелем, потому что он мне не приятель, но знаем мы друг друга давно. Вел с ним кое-какие дела. За этим он и приезжает – хочет еще кое-что обстряпать.

– Я думал, вы отошли от дел.

– Не совсем, – осторожно протянул дядя Болдуин. – С одной стороны, вроде бы и отошел, а с другой – нет.

Завеса таинственности, очевидно, не думала исчезать, поэтому Уильям сменил тему:

– А кто второй?

– Второй? А, вместе с Гарсувином? – Дядя Болдуин игриво подмигнул. – Это медам.

– Медам? – не понял Уильям.

– Ме-дам, – по слогам повторил дядя.

– А, мадам, – осенило Уильяма. – Мадам кто?

– Медам кто угодно. Медам Гарсувин, медам Джонсон, медам Трам-пам-пам, зови как хочешь. Она тоже метиска – французская кровь пополам с испанской, канакской ¹ и бог весть какими еще, ходячая Лига Наций с несколькими каннибалами в составе, вот что она такое. И притом настоящая конфетка!

Уильям рассмеялся.

– Смейся-смейся, сынок, пока ее не видел. Она уже не так молода – я давно ее знаю, – но на шалости у нее пороку еще хватит. Когда я с ней познакомился, ей было шестнадцать – конфетка, просто картинка! Однако и это было не вчера.

– Она была красавицей, да? – Перед глазами Уильяма промелькнул хоровод темноглазых прелестниц.

– О да! Персик. Она и сейчас неплоха – в самом соку, как мы говаривали. Но каков характер! – Дядя Болдуин задумался, подыскивая эпитет. – Шампанское и динамит!

Гости намечались незаурядные, и Уильям, отправляясь предупредить миссис Герни насчет обеда в четверг, готов был признать, что заинтригован. На самом деле дядя наверняка пустил в ход старый трюк бывалого путешественника, на славу приукрасив действительность. От любопытства Уильям и думать забыл о том, с чего начался давешний разговор. Нарисованный доктором Форестером образ обреченного больного померк перед образом обладателя экзотических знакомых по имени Гарсувин и медам.

¹ Канак – коренной житель островов южной части Тихого океана. – *Здесь и далее примеч. пер.*

4

На этот раз дядя Болдуин, против обыкновения, ничего не приукрасил. Гости и впрямь оказались выдающимися. Когда Уильям вернулся в четверг к обеду после похода по делам, они уже расположились в Айви-Лодже как дома. Таинственный Гарсувин напоминал меланхолического «белого» клоуна с намеком на принадлежность к беспринципной разорившейся аристократии. Возраста он был среднего, с большими залысинами, от которых его голова казалась непомерно вытянутой, потому что чересчур высокий и узкий лоб стремился куда-то вверх, делая макушку заостренной. Брови практически отсутствовали, темные глаза поблескивали из-под набрякших век. Ноздри выворачивались чуть ли не наизнанку, широкий тонкогубый рот то и дело кривился, чисто выбритое лицо испещряла сетка тонких морщин. Одет Гарсувин был в яркий клетчатый костюм по крикливой иностранной моде, однако на фоне своей спутницы казался серой мышью.

При виде медам у Уильяма захватило дух – в глазах полыхнуло ярко-алым и изумрудным, словно в комнату влетела райская птица. Уильям не сразу разглядел женщину в этом ярком оперении, и даже разглядев, так и не понял, какая она на самом деле. Буйство красок, дешевая, но слепящая глаза бижутерия, густой слой румян, помады, пудры, тяжелая волна духов... Этой экзотической красоте можно было дать как двадцать пять, так и тридцать пять, но главное волшебство таилось в ее сияющих карих глазах. Бьющая через край женственность Уильяма даже напугала: словно знакомый с детства мелодичный напев вдруг заиграли разом десять духовых оркестров. Противопоставить оглушительной женственности медам можно было разве что мужественность целого военного полка или команды линкора.

За стол сели тотчас же после прихода Уильяма и всеобщего знакомства. Медам, которую усадили рядом с хозяином дома, изогнулась и посмотрела на него в упор своими невероятными карими глазами. Уильям мгновенно стушевался.

– О, у него ошень приятное лицо! – заявила медам с мягким акцентом. – Болди! – Она ухватила дядю Болдуина за руку. – У вашего племянника, мистёра Вильяма, ошень, ошень милое лицо.

– Что, милее моего? – полюбопытствовал дядя.

– Намного! – воскликнула она, а потом повернулась к Уильяму и сразила его наповал ослепительной улыбкой. – Гораздо, гораздо милее. Совсем другое.

– Вот так вот, Уильям, – хмыкнул дядя. – Комплимент от медам дорогого стоит. Что скажете, Гарсувин?

– Подтверждаю, – с легким театральным поклоном в сторону Уильяма ответил Гарсувин. У него тоже оказался необычный выговор, свистяще-пришепетывающий и потому, хоть и негромкий, приковывающий внимание собеседника с первых слов. – Мадам – прекрасный физиономист. Так что примите как большой комплимент, мистер Дерсли.

– Спасибо, приму, – ответил Уильям, чувствуя себя чурбаном.

– Вы его смущаете, медам, – сказал дядя Болдуин. – Он ведь, в отличие от меня, скромник и тихоня.

– Это я вижу! – воскликнула медам, кивая, слепя улыбкой, позвякивая, искрясь и источая дурманящие волны парфюма, бьющие прямо в наморщенный нос Уильяма. – Расскажите, – она снова обожгла собеседника взглядом, – где вы побывали?

– Побывал? – Уильям начал выкручиваться. – Ну, я не всегда сидел тут, не настолько все плохо. Я воевал во Франции, потом два-три раза был в Германии – частью по делам...

– По делам? – с холодной вежливостью откликнулся мистер Гарсувин. – Да, у вас ведь здесь предприятие. И какое же? – Он изогнул длинный палец, изображая знак вопроса.

– Солод, – ответил Уильям. – Я солодовщик, так это называется. Продолжаю семейную традицию.

– Солод? – Гарсувин огорченно покачал головой. Нет, он ничего не имел против солода, просто жалел, что из-за его неосведомленности забуксует беседа.

– Это для пива, – пришел на помощь дядя Болдуин. – Солод нужен пивоварам как сырье.

– Да-да-да, – воодушевленно подхватила медам, – англичане и немцы жить не могут без пива.

– Ну конечно же. – Гарсувин почтительно склонил голову. – Солод для пива. Прибыльное дело?

– Жила, просто золотая жила! – вскричала медам.

Уильям покачал головой.

– Теперь уже нет. Особенно для маленькой независимой солодильни вроде нашей. Все большие пивоварни делают солод сами. Но вам это, наверное, не очень интересно?

Медам полюбопытствовала, чем еще занимается Уильям помимо солода.

За него ответил дядя Болдуин, не дав племяннику и рта раскрыть:

– Во-первых, рисует картины, да, Уильям? Смею сказать, очень недурно рисует.

– Художник? – воскликнула медам. – Как Гоген!

Уильям, достаточно знавший о Гогене, чтобы понимать всю нелепость сравнения, только улыбнулся и покачал головой. За этим обедом он только и делал, что качал головой, пытаясь хоть немного оживить свои односложные ответы.

– Да нет, с Гогеном мы и рядом не стояли. Я пишу акварели – там краска и вода, а не масло с краской...

– Очень интересно, – неожиданно сочным баритоном протянул мистер Гарсувин, не кривя, кажется, душой.

– Я пишу просто для удовольствия, – продолжал Уильям. – Иногда что-то шлю на выставки, что-то время от времени продаю. Ничего особенного, окрестные пейзажи.

– Не знал, – с серьезным видом ответил мистер Гарсувин. – Но теперь буду знать.

Уильям посмотрел на него внимательно. Гость сидел сосредоточенный, еще сильнее напоминая французского или итальянского клоуна во время антракта, настраивающегося на следующий номер.

Медам же решительно вознамерилась говорить только об Уильяме.

– Вы слишком... слишком-слишком... – Она пошевелила пальцами в воздухе, будто надеясь вытащить ускользающее слово из ниоткуда, словно фокусник. – Слишком, ну, понимаете...

– Старый, – подсказал дядя Болдуин с надеждой.

– Нет-нет-нет!

– Тогда молодой.

– Нет-нет-нет! – запротестовала медам. В огромных глазах плескалось отчаяние.

– Мистер Дерсли слишком скромн, – подал голос Гарсувин.

– Да! – возликовала медам. – Именно! Слишком, слишком скромн. Нельзя быть скромным – в нашей жизни нельзя. Нужно объездить много мест и везде заявлять: «Смотрите, какая я величина!» Как ваш онкль Болди.

Высказавшись, она залилась смехом, а потом сделала внушительный глоток виски. Виски пили все трое гостей, причем частили непозволительно для обеденного времени. Бутылка рисковала не дожить до конца трапезы.

– Вам непременно необходимо на Южные моря, – вынесла вердикт медам.

– Как-нибудь с радостью побывал бы, – ответил Уильям.

– Как-нибудь!.. Как-нибудь – значит никогда. Нет, нужно сейчас! Берите пример с вашего онкль.

– Не особенно-то его «онкль» на этих морях озолотился, – возразил Болдуин. – Хотя, признаю, скучать не давали – к тому же на добрых тридцать лет сбежал от кошмара, который тут называется погодой. Но, сами знаете, баснословных барышей мне острова не принесли.

– Ах, Болди, как там говорят – цыплят по осени считают?

Медам оглянулась на Гарсувина, и Уильям успел перехватить его ответный взгляд. Очень красноречивый. Тяжелые веки чуть приподнялись над темными глазами, и глаза недвусмысленно и властно сказали: «Хватит. Помолчи».

– Может быть, может быть, – задумчиво протянул дядя Болдуин, принимая свой излюбленный таинственный вид, на который Уильям уже не обращал внимания.

Разговор перекинулся на другие темы: промозглая лондонская сырость, красоты Парижа, французские почтовые пароходы из Марселя; некто Ричардсон, которого они встречали в Лондоне, Сан-Франциско, Сиднее и других местах; еда, напитки, одежда и погода. Приятная, занимательная беседа, но малоинформативная.

Вспоминая этот скромный обед под перестук колес поезда на Лондон, Уильям не мог отделаться от разочарования. Как все многообещающе начиналось... Мистер Гарсувин и его спутница затмили собой самые фантазмагорические рассказы дяди Болдуина. За обыкновенным обеденным столом собралась колоритнейшая компания, будто сошедшая с книжных страниц: дядя Болдуин с одутловатым багровым лицом, внушительным орлиным носом и седым взъерошенным венчиком волос; Гарсувин с вытянутой яйцевидной головой, сеткой морщин и тяжелым взглядом; медам с нарумяненными смуглыми щеками, обилием цвета, блеска, аромата и колдовскими глазами юной девы... Сев с этими людьми за один стол, Уильям словно перенесся в какой-то приключенческий фильм, в котором он был одновременно и персонажем, и зрителем. Однако затем холод Восточной Англии и обыденность Бантингема взяли свое – столовая, дрогнув, вернулась обратно в зимние сумерки Айви-Лоджа, в царство солода, шахмат, акварели и поездов до Ливерпуль-стрит.

Лишь одна деталь заслуживала особого внимания – взгляд, заставивший умолкнуть медам. Во взгляде этом читалось, что всякому разговору свое время, не предполагающее, в данном случае, присутствия Уильяма. Почему-то Уильяму эта избирательность польстила. Глядя в темное окно, он забавы ради мысленно подставлял на место убегающих вдаль кусочков Восточной Англии сердитые глаза Гарсувина под тяжелыми веками. И все же экзотичность сегодняшних гостей казалась ему искусственной, наигранной, как и дядюшкин таинственный вид. Наверное, таковы все путешественники по дальним странам – боятся выйти из образа в старушке Европе. Когда он уезжал, гости о чем-то оживленно беседовали, уже прикончив бутылку виски (тоже часть образа), слегка разгорячившись и расшумевшись, однако скорее всего остаток дня они проболтают о банальностях, позлащенных необычной географической принадлежностью. Наверное, в глазах уроженца другого полушария беседа между обычными жителями Бантингема тоже расцвела бы яркими красками диковинных имен и названий.

Жизнь, решил Уильям, везде примерно одинакова. Он говорил себе это частенько, вырабатывая некую утешительную философию как раз на такой случай. Было время, через год-другой после войны, когда он хотел оставить Бантингем и солодильню, сунуть в карман имеющиеся в наличии пару сотен фунтов и махнуть куда-нибудь на край света. Но сперва занемог постаревший отец, потом мать, и Уильям никуда не поехал. Он не смотрел на Бантингем свысока, ему нравился родной городок, и казалось невозможным пустить корни где-то еще (да и вообще не хотелось пускать корни и остепеняться). И тогда он постепенно привык утешать себя тем, что жизнь повсюду одинакова, и везде, как ее ни разукрашивай, ждет все та же набившая оскомину бантингемская действительность. Дядя со своими двумя визитерами, от которых сперва захватывало дух, а потом тянуло зевать, только подтверждали его теорию. Однако ожидаемой радости это подтверждение не приносило, а рождало лишь досаду. Отчего-то собственная жизнь показалась Уильяму совсем унылой. Тяжело слышать стук захлопывающихся

со всех сторон дверей на свободу, однако еще горше обнаружить, что они распахнуты и ведут в никуда. Он безрадостно смотрел на проплывающие за окном эссекские поля. Затем, приняв наконец деловой вид, щелкнул замками на портфеле, вытащил бумаги и освежил в памяти кое-какие цифры, с которыми предстояло ознакомить пивоваров, Пантоксов. Во взгляде сидящей напротив скромной женщины средних лет мелькнуло уважение к высоким финансовым материям. Что ж, решил Уильям, жизнь как жизнь. Нужно довольствоваться тем, что имеешь.

5

Домой на следующий день Уильям вернулся тем же деловым джентльменом. Роль ему порядком поднадоела – поездка в Лондон прошла скучнее некуда, однако за неимением другой ипостаси он придерживался этой. Элегантный, даже щеголеватый в темно-сером пальто и шляпе, он прошагал сквозь зимние сумерки к Айви-Лоджу, легонько помахивая на ходу портфелем. Дом, к его удивлению, тонул в темноте, заброшенный, словно в нем целый месяц никто не жил. Хоть бы один каминный отблеск в окнах по увитому плющом фасаду!

В холле свет тоже не горел. Из темной кухни в конце коридора не доносилось ни звука, а ведь миссис Герни обычно встречала хозяина обедом с дороги. Он прошел в столовую и чиркнул спичкой – ничего, только зола в камине и грязная посуда, оставленная в беспорядке на столе. Удивленный и встревоженный, Уильям вернулся в холл и лишь тогда уловил странный звук из кабинета, словно там хрипел загнанный в угол зверь. На мгновение он застыл, слушая бешеный стук собственного сердца в темноте. Наконец Уильям перешагнул порог кабинета – и тут же обо что-то споткнулся, пришлось потратить еще одну спичку, чтобы зажечь газовую лампу.

Звук издавал дядя. Он полулежал в кресле, как-то странно скорчившись, и, судя по всему, провел так не один час – без туфель, в одних носках, без воротничка и галстука, однако в остальном нарушений в одежде не наблюдалось. Видно было, что он небрит и немывт. Спертый воздух пропитался запахом бренди и сигаретного дыма, как в каком-нибудь притоне. На столе пустые бутылки, одна опрокинутая, рядом расплывается огромное пятно пролитого спиртного, от двух грязных бокалов остались одни осколки, на полу валяется треснувшая рамка с бабочками, второе кресло перевернуто, геологические образцы разбросаны по всей комнате, картошка раскурочена, камин погребен под слоем золы, повсюду сигарные и сигаретные окурки, табачный пепел, обрывки бумаги, крошки и недопитое бренди. Посреди этого бедлама скрючился в кресле багрово-седовласый дядя Болдуин, обнимая своими ручищами что-то невидимое, дыша перегаром через полуоткрытый рот с толстыми посиневшими губами и издавая пугающие хрипы. Похоже, парочка визитеров пронеслась по дому, словно бродячий цирк, торнадо и стая саранчи, вместе взятые.

Уильям тронул дядю за плечо.

– Что случилось? Дядя, что тут произошло?

Дядя Болдуин медленно открыл один глаз.

– Привет, сынок, – просипел он.

– Что случилось, рассказывайте.

– Дело дрянь.

– Вам нездоровится? Это я и сам вижу.

– Дряннее некуда, – простонал дядя и с заметным трудом заворочался в кресле.

– Вам нужно в постель.

Дяди Болдуина хватило только на то, чтобы меланхолично кивнуть.

– Я вас уложу. А потом пошлю за врачом.

Дядя Болдуин снова кивнул и закрыл приоткрытый глаз.

– А где миссис Герни? – спросил Уильям в отчаянии.

– Ушла, – прохрипел дядя печально после секундного раздумья.

– Когда?

– Не помню. Просто ушла.

К счастью, Уильям знал, где искать миссис Герни. В городе у нее живет сестра – вероятнее всего, экономка у нее. Но это подождет.

– Вы сможете подняться наверх?

Поразмыслив, дядя Болдуин пробормотал, что, пожалуй, осилит лестницу, если помочь. Помощь потребовалась недюжинная – на то, чтобы дотащить дядю до комнаты, раздеть и уложить в постель, ушел битый час.

Управившись, Уильям позвонил домой доктору Форестеру с просьбой зайти как можно скорее. Дядя уже дремал, и Уильям не хотел его тревожить до прихода врача. Дальше предстояло разыскать миссис Герни, однако сперва следовало дожидаться доктора, поэтому следующие полтора часа Уильям провел внизу. Налив себе чашку чаю и сделав немудреную закуску, он как мог прибрался в разгромленном кабинете и даже развел в камине слабый огонь. Потом пришел доктор – и с ним миссис Герни.

– Я не выдержала, – объяснила она. – Я привыкла работать в приличных домах, мистер Дерсли, таких, как ваш до вчерашнего дня, и мне уже поздновато переучиваться ради гостей, которые всю ночь пьют и швыряются вещами. Тем более, мистер Дерсли, в ваше отсутствие. «Пусть уже поздно и пусть завтра мне будет неудобно, – решила я, – но я уйду и не вернусь, пока не появится мистер Дерсли». Свое слово я сдержала, – закончила она патетически.

– Но что все-таки случилось? – спросил Уильям нетерпеливо.

– Они засиделись до вечера, потом отправились в «Суффолкский герб», а потом – неожиданно-негаданно – в половине одиннадцатого заявляются обратно и продолжают начатое, пьют как извозчики, и девица эта тоже. Я вашему дядюшке, мистер Дерсли, прямо сказала: дескать, умываю руки, когда в доме такое творится, я тут и пяти минут не останусь, я женщина одинокая и беззащитная. Постучалась к сестре – слава Богу, она только-только с вечернего сеанса в кино пришла, поэтому спать еще не легла. Представляю, что они там наворотили... – С этими словами миссис Герни решительно прошагала в кабинет.

Уильям поднялся наверх, к доктору Форестеру у дядиной постели. Дядя Болдуин с минуту смотрел на него печальнейшим взглядом, потом выдал сипло:

– Наломали мы дров, да? Ты уж прости, сынок.

Уильям заверил его, что ничего страшного не случилось.

Но дядя Болдуин не успокаивался.

– Нет-нет, это очень скверно, из рук вон плохо. Но я все исправлю. Ты так добр ко мне, Уильям, сынок, я в долгу не останусь.

– Все, никаких разговоров! – рявкнул доктор Форестер, копаясь в своем саквояже.

– Да, пока не забыл, еще кое-что... – продолжил дядя Болдуин.

Уильям оглянулся на доктора, который коротко кивнул в знак дозволения – мол, пусть лучше выговорится.

– Что такое, дядя?

– Не веди никаких дел с Гарсувином, – предостерег дядя Болдуин. – Заранее тебя предупреждаю. Не слушай его и не веди с ним никаких дел.

– Хорошо, не буду. – Уильям не хотел перечить старику. – Мне и не придется.

– Как знать. Тут не угадаешь.

– Но ведь он уехал?

– Уехал, – согласился дядя. – Однако рано или поздно объявится. Вот увидишь. И помни, я тебя предупредил заранее, в открытую, без утайки. Не водись с ним, как бы он тебя ни обрабатывал. И дело не в том, что мы повздорили. Я бы предостерег тебя в любом случае, в любом... – Фраза окончилась невнятным бормотанием, дядя закрыл глаза и отвернулся. Лицо у него сделалось совсем старческое, осунувшееся, и только орлиный нос торчал, как скала. Через несколько минут он задремал.

– А ведь я говорил, что нужен покой! – рявкнул доктор Форестер в холле. – Но разве он слушает...

Уильям вкратце рассказал ему о случившемся.

– Что ж, его состояние и прежде было плачевным, а теперь еще плачевнее. Ваш дядя очень плох, Дерсли, очень-очень плох. Я мало чем могу ему помочь.

– Может быть, взять сиделку?

Доктор Форестер поджал губы, и лицо его еще больше заострилось.

– Не помешает. Постоянный уход не требуется, ночной сестры будет достаточно. Я постараюсь прислать. Загляну поутру. Теперь ему нужен строгий режим. Еще одна такая бурная ночь со старыми приятелями, и он покойник.

Все выходные дядя Болдуин, на радость доктору Форестеру, пролежал в кровати. Уильям часто к нему заглядывал, но не обменялся и двадцатью словами. Иногда дядя поднимал на него глаза, в которых читалась ирония, приводящая Уильяма в замешательство. До понедельника он слонялся неприкаянно по дому, принимаясь то за одно бесполезное занятие, то за другое.

Однако в понедельник дядя Болдуин, кажется, вернулся к жизни. Он посвежел, взбодрился и не прочь был побеседовать. Вернувшись вечером из солодильни, Уильям нашел дядю сидящим в кровати и довольно возбужденным.

– Я должен с тобой поговорить, сынок.

– Говорите, дядя, за чем же дело стало? – улыбнулся Уильям.

– Тут двумя словами не обойдешься. Доктор ведь вот-вот будет?

– Да, – подтвердил Уильям. – В течение ближайшего получаса.

– Тогда отложим разговор, – решил дядя Болдуин. – Зайди ко мне после ужина, хорошо, сынок? Учти, дело важное.

– Непременно зайду, – пообещал Уильям, всем видом показывая, что верит в важность дела. Грустно смотреть, как пожилой человек из последних сил пытается держать марку. Даже в пятницу вечером, едва живой, он потрудился предупредить племянника насчет Гарсувина, а теперь, видимо, жди новую главу приключенческого романа. Бедный дядя Болдуин... Знал бы он, что нет нужды поддерживать мелодраматический образ таинственными намеками и недомолвками, когда ты и без того все выходные смотришь словно из могилы.

Поднявшись в спальню после ужина, Уильям обнаружил дядю в совершенно ином, загадочном расположении духа. На смену возбуждению пришла меланхоличная торжественность, которая прежде за ним не замечалась. Он словно уже приобщился к аристократическому сонму усопших.

– Присаживайся, сынок, и не перебивай меня. – Дядя помолчал, разглядывая Уильяма. – Моя игра, похоже, сыграна. Я приехал сюда погостить, но, видимо, погост меня и примет. Нет, не говори ничего, что есть, то есть. Ты был очень добр ко мне, сынок.

Уильям что-то пробормотал невнятное, как и все скромники в подобной ситуации.

– Ты мог бы ничего для меня не делать, тебя ничто не обязывало – кроме, конечно, родственных уз, – но ты сделал. Большинство не преминуло бы высказаться по поводу того бедлама, что мы тут без тебя устроили, а ты не произнес ни слова, хотя, наверное, многое про себя передумал. Я еще тогда пообещал, что в долгу не останусь. Поэтому теперь тебе придется пару минут меня послушать. – Он сурово посмотрел на Уильяма, и тот в смущении отвел глаза.

– Только не воображай, что я оставлю тебе золотые горы, как богатые дядюшки в книжках, – продолжил дядя Болдуин. – Их у меня нет. Мои деньги ты, конечно, получишь, но если вычтешь оттуда расходы на мое содержание, на врача и все прочее, там останется с гулькин нос – едва хватит доехать до Южных морей и обратно.

– Но я не собираюсь на Южные моря, – мягко возразил Уильям, просто чтобы не молчать.

– Это мы еще посмотрим. Надеюсь, что соберешься, иначе зачем бы я стал открывать тебе свою тайну? И потом – Боже правый! – почему бы не поехать? Тебе не повредит оторваться на время от Маркет-сквер и шахматной доски. В твои-то годы! Езжай, посмотри мир. Пока еще не поздно!

Уильям вспыхнул, уязвленный предположением, будто ему не хватит духу выбраться из Суффолка в большой мир. Он уже хотел огрызнуться, но дядя остановил его жестом и продолжил, резко сменив тон:

– Так вот, жалкая горстка денег не в счет, о ней и говорить не стоит, поэтому единственное, чем я могу тебя отблагодарить, – это посвятить в тайну. Не буду сейчас вдаваться в подробности, расскажу главное. Девять лет назад я плыл на одном корабле – куда, не скажу, и позже ты поймешь почему. Достаточно знать, что дело было в Южных морях. Мы порядком отклонились от курса. Двигатель-то у судна был, но горючее кончилось, и вот результат. В конце концов мы заметили впереди остров, не обозначенный ни на одной карте. Да-да, не удивляйся. Белых пятен на свете еще хватает, как бы там географы ни хвастались. И не какой-нибудь там вулканический остров, который сегодня есть, а завтра поминай как звали, – твердая скала, местами торчит из воды на несколько тысяч футов. Кроме камня, там почти ничего нет: пара деревьев, капля воды, и все, к тому же очень трудно пристать – такой вот неприветливый островок. Несколько миль суши, мимо не проскочишь, а карты о нем – ни гугу. Мы там высадились – исключительно в надежде на пресную воду, – и я назвал его Затерянный. По-моему, хорошее название.

– Да, вполне! – воскликнул заинтригованный Уильям. – И что, там совсем никого не было? Настоящий необитаемый остров?

– Именно, – мрачно подтвердил дядя. – И никакого тебе робинзонкрузовского изобилия. Камень и птицы, которых тоже раз-два и обчелся. Богом забытое место посреди океана, больше похоже на кучу угля, торчащую из воды. Вот такой он, Затерянный остров.

– Значит, о пиратских кладах речи нет?

– Ни в коем разе. Подкладывать родному племяннику такую свинью – увольте! Сколько людей на моей памяти умом тронулись, разыскивая пиратские сокровища... В моем случае все иначе. Без обмана. Вряд ли в окрестностях этого острова объявлялся хоть один пират.

– И хорошо, – заявил Уильям. – Я всегда с подозрением относился к пиратским сокровищам. Только на днях читал о них в каком-то журнале. Но вы рассказывайте дальше, дядя, про ваш Затерянный. Действительно, вполне приключенческое название, кстати.

– Да, на приключения он еще позовет. Как я жалею, что раньше до него руки не дошли. Сколько я упустил! Вот что самое обидное, когда валяешься тут кабаньей тушей, – упущенные возможности. – Тут у дяди свело горло, и минуту-другую он не мог произнести ни слова, а потом попросил лекарство, оставленное доктором Форестером. Глотнул, чертыхнулся и продолжил рассказ, понизив голос до полупшепота: – Когда мы высадились на острове, я там слегка полазил, хотя жара стояла адская – кругом одни раскаленные камни, голые, как бильярдный шар. Едва я углубился в скалы, как наткнулся на какую-то черную породу. Сперва принял ее за уголь, потом пригляделся повнимательнее и увидел, что ошибаюсь, больше похоже на смолу. Так, сынок, теперь сунь руку вон в тот кофр и пошарь на дне – там должен быть камень размером с твой кулак. Неси его сюда.

Уильям послушно пошарил в кофре и вернулся с увесистым темным матовым сгустком, напоминающим комки затвердевшего вара, который используют на ремонте дорог. На редкость малоинтересная субстанция.

– Вот оно! – Дядя Болдуин забрал образец у племянника и поднес к глазам. – Этот кусок приехал со мной с Затерянного. Он много покатался по свету. На острове такого добра тонны и тонны, лежат на поверхности, только руку протяни. Я прихватил образец просто из любопытства, потом как-то при случае показал одному человеку – он в этих вещах дока, разъяснил мне, что к чему. Тут-то я и засуетился. Но потом – вот болван! – несколько лет тянул волюнку. Однако, добравшись до Лондона, первым делом отдал образец на экспертизу и узнал уже наверняка.

Дядя многозначительно умолк.

– Что же это оказалось? – воскликнул Уильям, который пока не видел в темном сгустке ничего примечательного.

– Смоляная обманка.

– Смоляная обманка? – нахмурился Уильям. – Что-то знакомое, но не помню откуда.

Дядя Болдуин порывисто подался вперед и хотел продолжить, но закатил глаза и скривил рот в какой-то странной гримасе. Вместо слов из горла вырвался хрип, голова судорожно дернулась в сторону бутылки с лекарством. Уильям, трясущейся рукой отмерив порцию, с тревогой смотрел, как дядя глотает микстуру и постепенно приходит в себя.

– Смоляная обманка, – произнес дядя Болдуин спустя полчаса. – Вот что это такое. Урановая руда. А из урановой руды получают радий. Теперь понимаешь?

– Точно, вот где я о ней узнал, – вспомнил Уильям. – Читал статью о мадам Кюри, там было и про смоляную обманку.

– Именно, сынок. Я тоже читал. Супругам Кюри привозили руду откуда-то из Австрии или Богемии, и им удалось добыть первый радий. Это она самая. Главнейшее сырье для производства радия, и он где-то там внутри, в этом комке, так сказал мне человек из лондонского музея. Подтверждено анализом.

– Но ведь, чтобы добыть крупицу радия, нужны огромные горы этой руды?

– Да. Зато радий продается по цене около четверти миллиона фунтов за унцию. Четверть миллиона! – Дядя Болдуин застыл в благоговении перед немыслимой цифрой. – Только представь, сынок, за этой вот черной каменюкой гоняется полсвета. Основные запасы – в Конго – прибрали к рукам бельгийцы, у одной бельгийской компании фактически монополия на радий. Поэтому остальные до руды добраться не могут. А тут целый остров, где ее несметные тонны, только бери. Дух захватывает, а? – подытожил он, сам дыша с заметным трудом.

– Сногсшибательно, – согласился Уильям, глядя на багровое лицо в белых подушках.

– Я так думаю, дело вот в чем. Почти все мелкие тихоокеанские острова либо коралловые, либо вулканические, с них взятки гладки. Затерянный же – совсем другой коленкор. Это твердая глыба, ей миллионы и миллионы лет, каким-то образом она вот так застряла посреди океана. До острова нелегко добраться, до него отовсюду плыть и плыть, а значит, вывоз руды обойдется в кругленькую сумму, имей в виду. Не заоблачную, конечно, однако мне таких денег в руках держать не доводилось. Но это пустяки, дело двадцатое.

– И вы все это время хранили тайну? – задумчиво протянул Уильям. Тут его осенила догадка: – Гарсувин как-то с этим связан?

– И да, и нет, – с величайшей осторожностью ответил дядя Болдуин. – Ему кое-что известно, и он пытается вывести остальное. Но с ним я разобрался. Зато есть еще двое, перед которыми я в некотором долгу, потому что оба в свое время очень мне помогли – по-настоящему помогли, такая помощь не забывается. Я по крайней мере не забываю. Я не вижу другого способа их отблагодарить, кроме как взять в долю. Справедливо?

– Конечно! – с жаром подтвердил Уильям.

– Сперва я думал, если не получится воспользоваться этим островом самому, поделить его между ними, но, пожив неделю тут, я проникся симпатией к тебе, Уильям, и решил по-другому.

Он остановился перевести дух. Уильям хотел что-то сказать, но передумал: чего доброго, собьет дядю с мысли, а ему и так нелегко разговаривать, хотя просить его помолчать тоже бесполезно – да и жалко.

– Теперь, Уильям, сынок, ты единственный, кроме меня, кто знает об острове и его залежах. Выходит, половина тайны в любом случае твоя. Но я не сообщил тебе, где он находится, его точные координаты. И не сообщу. Сейчас объясню почему. Я хочу привлечь к делу тех двоих, которые когда-то мне помогли. И вот что я придумал – не буду врать, что додумался сам, идею мне подсказала одна книга, как раз про всякие клады – но идея необыкновенно

хороша, и я весьма кстати ее вспомнил. Соответственно я написал обоим моим благодетелям, рассказал, кто я и что я, и одному сообщил широту, другому – долготу. Улавливаешь? – спросил он торжествующе.

– Конечно, – кивнул Уильям. – Я такое тоже читал. Известный прием.

– Зато беспронимчивый. Таким образом, я позаботился, чтобы никто из вас троих не смог попасть на остров в одиночку. При этом ничто не мешает тебе привлечь к делу кого пожелаешь, когда вы трое договоритесь о долях. Без посторонней помощи тебе наверняка не обойтись, потому что понадобятся деньги. Но это другое. Главное, что никто из вас троих не сможет забрать все себе.

– Да, я понимаю.

Уильям сидел с ошарашенным видом. Все это совершенно невероятно, он словно перенесся на страницы приключенческого журнала для мальчиков. Но даже невесть откуда свалившемся на него дядюшке не под силу превратить реальную жизнь в приключенческий роман.

– Ты, сынок, не торопись, – с отеческой заботой продолжил дядя. – Сперва хорошенько все обдумай. Проясни. Ты знаешь об острове и о его залежах, а эти двое знают каждый свою часть координат. Я назову тебе их имена, и если ты соберешься заняться островом, поезжай к ним, объяснишь им все и вступишь в долю. А если за год не тронешься с места, обещаю, что напишешь обоим, расскажешь все, и дальше пусть уж они сами возьмется. Так будет справедливо, согласись.

Уильям согласился.

– А если они не получили ваших писем? Или один из них умер? Или оба? Тогда как, дядя?

– Это я тоже предусмотрел. В Лондоне есть юрист по фамилии Грантли – брат одного человека, с которым я близко сошелся на островах, – он пару раз помогал мне с бумагами. Так вот, у него будет запечатанный конверт с координатами, и если ты докажешь, что один или оба из твоих компаньонов умерли или пропали без вести и не имеют детей, которые могли бы заменить их, тогда, чтобы не губить все на корню, он разрешит тебе вскрыть конверт. Вот и все, сынок. Теперь добудь бумагу с карандашом и запиши фамилии.

– Знаете, дядя... – Уильям пошарил по карманам в поисках блокнота и карандаша. – Я должен сказать – нет, я очень признателен за то, что вы делаете, безмерно признателен, но, откровенно говоря, если бы вы сообщили мне все целиком с условием, что нужно выделить равные доли этим двоим, я бы не обманул. Разделил бы все честь по чести.

Дядя Болдуин покачал головой – медленно, значительно.

– Нет, сынок, это не одно и то же. Ты-то, конечно, может, и сдержал бы слово, но я не собираюсь вводить людей в искушение. Тебе еще невдомек, каково это, когда в руки плывут большие деньги. Ты еще не успел это ни осознать, ни обдумать хорошенько. А я вот знаю. И не хочу тебя на такое обрекать. Ну что, будешь записывать? – Дядя подождал, пока Уильям занесет карандаш над чистым листком блокнота. – Номер один – командер Айвибридж, Британский королевский флот. Кристальной души человек, помог мне, когда еще не вышел в отставку. Позже расскажу, если напомним.

– А где он живет?

– Я писал на адрес Адмиралтейства. Ответа пока не получил, но они его разыщут – должны знать, где он, поскольку платят ему пенсию. У него соответственно имеется только долгота острова. Владелец широты – американец, и тоже человек достойнейший. Его зовут П.Т. Райли, письмо отправлено в «Браун, Вобурн и братья, Сан-Франциско» и найдет его обязательно. Он прослужил у них больше тридцати лет. Записал? П.Т. Райли...

– ...через «Браун, Вобурн и братья, Сан-Франциско», – зачитал Уильям. – А второй – командер Айвибридж. Все правильно?

– Да. Теперь ты в курсе, но мы, конечно, еще к этому вернемся.

– Только уже не сегодня, – мягко возразил Уильям. – Вы устали. Вы и так слишком много проговорили. Если доктор Форестер узнает...

– Этот хлыщ! – презрительно просипел дядя Болдуин. – Но ты прав, сынок. Иди вниз и хорошенько все обдумай.

Уильяму, однако, не думалось. Если бы этот необычный разговор состоялся две недели назад, он готов был бы горы свернуть. Теперь же поверить в далекий остров, тонны и тонны смоляной обманки, командера Айвибриджа и П.Т. Райли, во все эти чудеса, казалось трудно. Не то чтобы Уильям считал дядин рассказ выдумкой. Просто он пока не понимал, как это все расценивать: с таким же успехом дядя мог целый час читать ему приключенческий роман. Однако серьезной и неусыпной заботы сейчас требовал не какой-то там остров, а дядино здоровье – и перед этой необходимостью меркли все остальные, превращаясь в бесплотные фантазии.

6

На следующее утро дядя выглядел намного лучше. Он уже сидел в постели и попросил заглянувшего к нему Уильяма принести газеты и трубку, пообещав этим же вечером подробнее рассказать про Затерянный остров, командера Айвибриджа и П.Т. Райли. Уильям отбыл на солодильню, уверенный, что дядюшка, с его закалкой, переживет еще не один шквал воспоминаний и споров под бренди. От этой мысли на душе потеплело, потому что Уильям питал к дяде симпатию, которая за последние дни только выросла.

Но дядя Болдуин не дожил до вечера. После обеда миссис Герни, услышав глухой удар, кинулась наверх и обнаружила коченеющее на площадке тело гостя – он успел выбраться из кровати и выйти из комнаты. Уильям, которого спешно вызвали из солодильни, прибыл аккурат к сухим и едким разъяснениям доктора Форестера о том, что случилось с изношенным сердцем и нервами.

В третий раз за последние годы Уильям провел следующие дни в уже знакомых стылых сумерках, атмосфере не столько смерти, наносящей быстрый и неотвратимый удар, сколько морга, гроба, сырой могилы... Народу на похороны пришло мало – пара друзей Уильяма да несколько приятелей покойного по «Суффолкскому гербу», между которыми затесался хмурый бородач из близлежащей деревеньки, торговавший в Бантингеме рыбой и фруктами. По дороге к выходу Уильям, поравнявшись с бородачом, все-таки не сдержал любопытства:

– Я и не знал, что вы были знакомы с дядей. Он мало с кем здесь общался.

– Племянник его, стало быть?

– Вы здесь познакомились?

– Здесь только раз его и видал, – последовал ответ. – Двадцать лет назад знавал, на Раротонге.

Не проронив больше ни слова, бородач кивнул и потопал обратно к своей рыбе и фруктам.

Уильям не смог бы объяснить, почему от этого минутного разговора ему вдруг стало так горько – уж точно не от шаблонных сентенций про то, как тесен мир. Наоборот, мир теперь казался ему огромным и пугающе бескрайним, плетущим сети за спиной: вот ты съездил на Раротонгу, а потом, спустя много нелегких лет, стоишь над могилой в Суффолке и тащишься уныло по мокрой дороге в густеющих сумерках. Мир никому не открывается целиком, разве что краешком, самую малость. Перед глазами Уильяма плавно вращался земной шар, на котором топтались крошечные фигурки, не ведающие иных миров и толком не освоившие собственный. Он в очередной раз пожалел, что не верит в Бога.

Вернувшись в ощутимо помрачневший и будто сдвинувшийся Айви-Лодж, Уильям весь вечер просидел один в кабинете, слыша то шорох дождя в саду, то рокот морских волн за десять тысяч миль. На столе перед ним лежал тусклый темный комок, который с таким же успехом по милости близорукой миссис Герни мог бы лежать в ведре с углем. Записная книжка была открыта на странице с записями про командера Айвибриджа и П.Т. Райли из Сан-Франциско. Атлас тоже имелся, хороший атлас, пусть и устаревший слегка. Но Уильям в него не смотрел. Перед его глазами то вставали, то пропадали серые скалы над пенящимися бурунами. Затерянный остров.

Глава вторая

Два командера

1

Через две недели после похорон дядюшки Уильям входил в Институт радия на Райдинг-Хаус-стрит, почти сразу же за концертным залом «Куинс-холл». В небольшом саквояже он нес черный камень с Затерянного острова. Дядя Болдуин говорил, конечно, что образец уже проверяли, но Уильям хотел удостовериться сам. Он упомянул насчет обманки Гринлоу из грамматической школы, и у того обнаружился знакомый со связями в Институте радия. Теперь Уильям стоял в выложенном лазоревой плиткой институтском вестибюле, и двое швейцаров косились на него с подозрением, будто на заправского похитителя ценного вещества. Наконец один из них отправился сообщить о приходе Уильяма, а другой проводил его в приемную – совсем как у стоматолога или другого врача. Следующие двадцать минут Уильям провел в обществе обычной подборки иллюстрированных журналов, чувствуя себя совершенно по-идиотски. Когда годами ездешь в Лондон только по солодильным делам и общаешься лишь с представителями пивоварен, наверное, простительно ощущать себя несколько не в своей тарелке, если тебя привел в город булыжник с неизвестного острова. Косые взгляды швейцаров не придавали уверенности. Теперь все зависело от знакомого Гринлоу, радиолога, или кто он там. Будет удивляться и разговаривать свысока, Уильям тут же подхватит саквояж и кинется ловить такси до Ливерпуль-стрит. Даже обладатели великой тайны и собственного острова в перспективе зависят порой от движения чьей-то брови.

Однако радиолог не собирался обращать посетителя в бегство. Ободренный, Уильям сбивчиво пробормотал что-то насчет геологической коллекции и, вытащив образец, спросил, нельзя ли его проверить в лаборатории.

– Похоже на смоляную обманку, – кивнул специалист, осматривая камень. Он говорил слегка утомленно, подобную манеру держаться Уильям уже замечал у настоящих ученых – странную смесь рассеянности и настороженного любопытства. – Сейчас выясним. Пойдемте, сами посмотрите.

– Спасибо! Я и не ожидал такой любезности.

– Не за что. К нам часто приходят. Сюда, пожалуйста.

Они поднялись на лифте, прошли несколько коридоров, преодолели пару лестничных пролетов и наконец очутились в небольшой комнатушке под самой крышей.

– Приходится забираться подальше от радиационного фона вниз, – пояснил провожатый.

– Понятно, – вежливо кивнул Уильям.

Радиолог вынул из деревянного футляра какой-то приборчик и ловко собрал его на столе отточенными, словно у циркового фокусника, движениями. Прибор оказался на удивление маленьким: белый металлический цилиндр с направленным внутрь него окуляром и мощной подсветкой.

– Вот так все и происходит, – объяснил радиолог. – Загляните внутрь. Видите золотой листок?

Уильям заглянул и увидел тоненькую золотую ленточку, висящую на фоне подсвеченной шкалы. Вот эта тонюсенькая золотая пленка, которую можно сдуть одним выдохом и раздавить движением пальца, сейчас установит, что такое Затерянный остров – скучная серая скала или сокровищница, перед которой меркнет даже пещера Али-Бабы. Колдовство, не иначе.

– Сейчас мы ее зарядим, – продолжал ученый голосом скучающего, но любящего дядюшки и пару раз ткнул цилиндр каким-то звонким инструментиком. Золотая ленточка тут же натянулась. – Теперь, если положить вот в этот лоток обычный образец – кварц, скажем, золотая пластинка даже не дрогнет. Но если поднести к ней радий или урановую руду – смоляную обманку или карнотит, она заметноотреагирует. Ваш образец внутрь не поместится, поэтому мы положим его сверху. А теперь смотрите.

– И? – выдохнул Уильям. Сердце вдруг перестало помещаться в груди. Давно он не чувствовал такого напряжения.

Радиолог выпрямился, пропуская Уильяма к окуляру.

– Взгляните сами.

Уильям взглянул. Золотая полоска вынесла вердикт.

– Выходит, это действительно урановая руда? – воскликнул Уильям.

– Вне всякого сомнения. – Радиолог улыбнулся, наблюдая вполне понятный ему восторг геолога-любителя, и, отдав образец, принялся разбирать прибор. – Электроскопы не врут, даром что портативные.

– Так это электроскоп? – спросил Уильям. – И его, наверное, можно использовать где угодно? Возить с собой, я имею в виду.

– Да, вполне. Вот этот я как раз и вожу. В больницах, например, постоянно теряют радий – вопиющая халатность, но случается сплошь и рядом. Тогда они посылают за мной, и с помощью прибора я его нахожу. Иногда в корзинах с бельем для стирки. Напоминает игру в «горячо-холодно».

– А они... – Уильям замялся. – Продаются?

– Конечно, – рассмеялся радиолог. – Только зачем вам прибор ради одного образца? Вы же не собираетесь на разведку урановой руды?

– Да вроде нет, – осторожно произнес Уильям. – Просто подумал, ведь наверняка урановую руду много кто ищет?

– Конечно. По всему миру. И не находят – такая вот незадача. Если кто-то вдруг наткнется на богатые залежи – как у бельгийцев в Конго, – цена радия сразу же упадет. Как мы этого ждем! Радий баснословно дорог, все исследования буксуют из-за высоченной цены. Сюда, пожалуйста.

Они спускались по лестнице. В кармане пальто Уильяма лежал кусок настоящей смоляной обманки с Затерянного острова. В мыслях царил кутерьма, как на воскресной ярмарке – крутились карусели и рассыпались фейерверки, отчего голова шла слегка кругом.

– А откуда у вас этот образец? – полюбопытствовал радиолог.

– От дядюшки достался, – как можно небрежнее ответил Уильям.

– Наверное, из богемских рудников. Вот здесь спуститесь. – Радиолог показал на лифт. – Эх, порадовали бы меня, сказали, что у вас целые залежи этого добра!.. – засмеялся он. – Что ж, хорошего дня.

Возвращаясь в приемную за саквояжем, Уильям снова прошел между швейцарами и снова поймал на себе подозрительные взгляды, но на этот раз даже бровью не повел. Он знал то, что Институту радия неведомо. До приезда он не строил никаких определенных планов на будущее – кроме того, чтобы тотчас же вернуться в Бантингем и навсегда выкинуть из головы Затерянный остров, если принадлежность образца к урановой руде не подтвердится. Однако чемодан Уильям на всякий случай прихватил, и теперь у него зрел план. Первым делом – найти командера Айвибриджа, владеющего координатами долготы. П.Т. Райли из Сан-Франциско и широта подождут. С Райдинг-Хаус-стрит Уильям поехал напрямик в гостиницу, оставил за собой номер и отправился на поиски справочника «Кто есть кто».

2

- Могу я видеть командера Айвибриджа? – осведомился Уильям.
- По деловому вопросу, сэр? – спросил швейцар.
- Э-э... да, по деловому.
- Вам назначено, сэр?
- Нет, боюсь, что нет.
- Тогда вам сначала к секретарю. – Швейцар приоткрыл дверь, пропуская Уильяма. – Сюда, сэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.